

Николай КОНДРАТЬЕВ

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШАММИ.

Николай Дмитриевич Кондратьев (1892–1938) — величайший экономист XX века, получивший всемирное признание.

Выходец из крестьянской глубинки (Кинешемский уезд Костромской губернии), он окончил Петроградский университет, играл видную роль после Февральской революции 1917 года, был избран в Учредительное собрание. В 1918 году создал и возглавил одно из лучших научных учреждений того времени — Конъюнктурный институт в Москве, разработал проект перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства. Идеи Н.Д. Кондратьева получили широкое признание за рубежом: он являлся членом ряда зарубежных научных обществ. В 1924 году во время командировки в США Кондратьев встречался со своим другом, величайшим социологом XX века Питиримом Сорокиным.

В 1926–27 годах научные позиции Н.Д. Кондратьева подвергаются резкой критике, Г.Е. Зиновьев называет его концепцию сельскохозяйственного развития «манифестом кулацкой партии». После выступления И.В. Сталина на конференции аграрников-марксистов термин «кондратьевщина» становится символом вредительст-

ва, а в 1928 году Н.Д. Кондратьева отстраняют от руководства Конъюнктурным институтом. В 1930 году ученый был арестован по обвинению в саботаже в сельском хозяйстве, протаскивании буржуазных методов планирования, в принадлежности к Трудовой крестьянской партии. В период заключения в Бутырской тюрьме он написал одну из своих крупнейших работ «Основные проблемы экономической статистики и динамики», опубликованную только в 1991 году. После закрытого процесса Н.Д. Кондратьев был осужден на 8 лет и помещен в Суздальский политизолятор, но и в заточении продолжал творческую работу.

Просматривая личный архив ученого, невольно поражаешься, с какой нежностью и любовью написаны письма жене и дочери, насколько тяжела была для него разлука с близкими. В этом номере журнала мы начинаем публиковать сказку¹, которую Николай Дмитриевич сочинил для дочери Елены в 1934 году. Казалось бы детская, простая и наивная, она наполнена глубоким философским смыслом.

В 1938 году Н.Д. Кондратьев был расстрелян. Постмортим реабилитирован в 1987 году.

¹ Публикуется впервые. Материал предоставлен Российским государственным архивом экономики.

I

Жил на свете котик Шамми,
Серебристый, не простой,
С черноватыми ушами,
С шерстью нежной и густой.

Был красив тот котик белый,
Длинноусый, небольшой,
И догадливый, и смелый,
Добрый сердцем и душой.

Он любил веселье шуток
И прогулки средь полей.
Гнать любил он стадо уток,
Мух ловить близ тополей.

Он любил лежать на крыше,
Слушать звонкий крик детей,
Ус большой поднять повыше
И манить к себе гостей.

Но другая жизни доля
Оказалась у него:
Котик видел много горя,
Обижали все его.

Жил у старой Варты Шамми,
У кухарки во дворе.
Ночью вел войну с мышами,
Днем мурлыкал в конуре.

Дома Варта все бранится,
Что он выпил молоко.
Во дворе пес черный злится,
И пройти там нелегко.

Серый кот соседа страшный
Все лежит там близ угла.
Здесь петух, горлан бесстрашный,
С клювом острым, как игла...

Трудно жить на свете этом
Без защиты, одному.
Скучно Шамми ясным летом
Без друзей, как никому.

Лишь один был друг у Шамми:
Рыжеватый Вася кот.
Вместе бились с мышами
И гуляли у ворот.

II

Как-то летнюю порою,
Когда крался Шамми в лес,
Соловей пел под горою
Песню, полную чудес:

«Слышал я, что там далеко
Есть прекрасная страна.
Солнце там всегда высоко,
Не восходит там луна.

Та страна совсем другая,
Небывалая страна,
Непростая, голубая,
Вся цветами убрана.

Там всегда и все счастливы
И не смотрят с грустью вдаль:
Зреют сочные там сливы,
Апельсины и миндаль.

Люди, звери и растенья
Там друзья между собой.
Много смеха там и пенья,
Бьет фонтан там голубой.

Вкруг фонтана голубого
И его прохладных вод
Веселей один другого
Вечно ходит хоровод.

Пляшут желтые лисицы,
Златорогие козлы,
Серны стройные и львицы,
И фазаны, и орлы.

Пляшут, также, пеликаны,
Леопарды, барсуки,
И жирафы-великаны,
И смешные индюки.

На пески там голубые
Льются реки сладких вин,
И бокалы золотые
Всем подносит там павлин.

Там живые медвежата,
Стаи красных лебедей
И пушистые котята
Забавляют днем детей.

Белки им грызут орехи,
Дятлы сказки говорят,
И мартышки для потехи
На слонах верхом сидят.

А жеманные газели
Возле дремлющих мимоз
Их качают на качели
И плетут венки из роз...

Ту страну зовут Айнажды,
Далеко идти туда.
Кто достиг ее однажды,
Не вернется никогда».

Песню эту слышал Шамми,
Понял Шамми песню ту.
Прял он черными ушами,
Затаив свою мечту.

III

И поведал Васе Шамми,
Когда встретились друзья:
«Надоел мне бой с мышами,
Недоволен жизнью я.

Есть на свете край привольный,
Где фонтан бьет голубой.
Жизнью там живут довольной,
Пьют там кубок золотой.

Ту страну решил искать я
И тебя зову с собой.
Будем жить мы там, как братья,
Под звездною голубой».

Вася рыжий был встревожен,
Озадачен, молчалив:
Был он очень осторожен,
Был он также и труслив.

Долго думал рыжий важно,
Будто подлинный мудрец.
Покрутивши ус отважно,
Согласился, наконец.

IV

Утром ранним, молчаливым,
Когда гаснут все огни,
Шагом бодрым, торопливым
В путь отправились они.

Долго шли они полями
И присели, наконец.
В это время там долами
Гнал пастух своих овец.

Был он старый, бородатый,
С непокрытой головой.
Шел он с палкой суковатой,
С песней тихой, но живой:

«Я живу под солнцем красным
Средь долины и холмов.
Жизни нет другой, прекрасней,
Нет красивей теремов.

Я подобно вольной птице
Улетаю взором вдаль.
Горя нет в моей светлице
Неизвестна в ней печаль

Вижу всюду предо мною
Я зеленые шатры.
И лежат вокруг пеленою
Изумрудные ковры.

Берег лентой окаймляет
Бег спокойный чистых вод,
И глубоко утопает
В них лазурный небосвод.

В небе синем и лазурном
Льется песнь издалека
И в сиянии ажурном
Ткут узоры облака...»

Подошел к нему тут Шамми,
Поклонился старику.
Двинул черными ушами
И сказал он пастуху:

«Укажи нам путь в Айнажды,
Где фонтан бьет голубой,
Услужи нам лишь однажды,
Просьбы нет у нас другой».

«Нет страны такой прекрасной, –
Отвечал старик ему, –
Ищут все ее напрасно:
Не увидать никому.

Бросьте Ваши приключения,
Оставайтесь здесь со мной:
Будут здесь вам развлечения,
Будет счастье и покой».

Это слово было мило
Васе, рыжему коту:
Шел он в поиски уныло
И в страну не верил ту.

Но иначе думал Шамми.
Не послушал он совет,
Пропустил между ушами
И простился сам в ответ.

V

Снова двинулись в дорогу.
Снова поле, снова дол...
Вскоре белый, длиннорогий
Повстречался им козел.

С видом дружеским и бодрым
Шамми вымолвил ему:
«Будь внимательным и добрым
Ты к собрату своему.

Ищем мы страну Айнажды,
Где счастливы все всегда.
Кто найдет ее однажды
Не покинет никогда.

Путь лежит туда безвестный:
Мы хотим его найти.
Если он тебе известен,
То скажи нам, как идти».

«Путь в Айнажды мне не ведом,
Не слышал о ней, друзья.
Но готов за вами следом
Путь туда искать и я.

Жизни скучной и ужасной
И обидам от кнута
Предпочту я край прекрасный,
Разумеется, всегда».

Шамми с Васей согласились:
Так пристал к друзьям козел.
Только в путь они пустились,
К ним пристал еще осел.

Скоро также лошадь Карри,
Одноглазый пес Тути
И петух крикливый Гарри
К ним примкнули на пути.

Всем казалась жизнь несладкой
И суровой, и лихой.
И хотели все украдкой
Жизни лучшей и другой.

Все не знали, где Айнажды,
Все стремились в ту страну:
Услыхав о ней однажды,
Думу думали одну.

Продолжение следует...

Н.Д. Кондратьев является автором концепции больших циклов конъюнктуры (длинных волн экономической динамики), теории предвидения и методологии перспективного планирования. Идеи Н.Д. Кондратьева были положительно восприняты за рубежом, его основные работы неоднократно издавались в Германии, США, Великобритании, Франции, других странах. Теория длинных волн экономической динамики (Кондратьевских циклов) признана и развита Йозефом Шумпетером, Фернаном Броделем, Герхардом Меншем и другими учеными. Сформировалась международная научная школа, изучавшая длинные волны, изданы десятки монографий, сотни статей, проведены научные конференции.

В СССР научное наследие Н.Д. Кондратьева было осуждено и отвергнуто; лишь с 1980-х годов оно было признано и стало развиваться. В Отделении экономики РАН была создана комиссия по научному наследию Н.Д. Кондратьева во главе с академиком Л.И. Абалкиным, изданы его монографии и сборники трудов.

30 ноября 1990 года принято Постановление Совета Министров СССР об увековечении памяти

Н.Д. Кондратьева, проведена международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня его рождения. Ее участники решили создать Международный фонд Н.Д. Кондратьева. Ежегодно Фонд совместно с Институтом экономики РАН проводит Кондратьевские чтения по актуальным теоретическим проблемам. Изданы сборники докладов Н.Д. Кондратьева, изготовлена памятная медаль в его честь.

Николай КОНДРАТЬЕВ

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШАММИ.

Сказки детские, экономические, философские... наивные и светлые.

Но сказка сказке рознь. В сказке, как и в жизни, добро не всегда побеждает зло, а справедливость не всегда торжествует. В этом номере журнала мы публикуем окончание сказки Николая Дмитриевича Кондратьева, великого русского ученого-экономиста прошлого века. Сам автор в середине 30-х годов был репрессирован и затем расстрелян. «Необыкновенные приключения Шамми» были написаны им для дочери Елены в Суздальском политизоляторе в 1934 году.

Рисунки автора

VI

Шли они толпою пестрой,
Шли и ночью, шли и днем.
Мучил их и голод острый,
Жгло и солнце их огнем.

Нет следа страны желанной:
Убегала та страна...
Но за далью за туманной
Им все чудилась она.

Так пришли они к равнине,
Где сходились три пути;
Стал вопрос у них отныне:
По которому идти?

Камень серый, неизменный,
С черной надписью на нем,
Будто страж пути бессменный,
Виден ночью там и днем.

Шамми ясно и проворно
Прочитал ту надпись всем.
И она их непритворно
Озадачила совсем.

«Путь направо — путь опасный, —
Так гласила надпись та, —
Можно дни плутать напрасно:
Не придешь им никуда.

Путь налево — очень страшный:
Можешь ты на нем всегда
Пожалеть свой шаг вчерашний,
Не вернуться никогда.

Путь последний — путь безвестный:
Не испытан он никем.
Очень трудный он и тесный.
Нужно помнить это всем».

«Влево лучший путь и верный», —
Первым вызвался козел.
«Влево путь совсем не верный», —
Возразил ему осел.

Слово вымолвил и Карри:
«Путь лежит направо наш».
Вспыхнул гневом тогда Гарри:
«Вправо Ваш — налево наш».

«Будет лучше и удобней, —
В спор вмешался Вася кот, —
Всем домой идти проворней
Без заботы и хлопот».

Громко крикнул тогда Шамми:
«В путь безвестный нам идти!»
Грозно двинул он ушами,
Поддержал его Тутти.

Долго, долго не мирились
В споре жарком о пути.
Но потом все согласились,
Чтоб в безвестный путь идти.

VII

Путь повел тропинкой тесной,
Каменистой и сухой.
Был не виден свод небесный,
Лес стоял кругом глухой.

Всюду вой и рык ужасный.
Недоволен был козел.
Шел угрюмо Гарри красный
И дрожал, как лист, осел.

Ветви им в лицо хлестали,
Ранил камень ноги им.
Страшно все они устали:
Путь почти не проходим...

Вот лужайка возле ели:
Можно за ночь отдохнуть.
Улеглись все, как умели,
И хотели уж заснуть.

Вдруг лиса подходит близко
И с улыбкой, как всегда:
«Мой поклон вам самый низкий!
Путь вы держите куда?»

«Ищем мы страну Айнажды,
Где фонтан бьет голубой.
Мысль о ней, как сила жажды,
Увлекает нас с собой».

Так лисе ответил Шамми
И просил у ней совет.
Повела лиса ушами
И промолвила в ответ:

«Путь в Айнажды мне известен,
Укажу его я вам.
Ночью отдых всем уместен,
Утро даст всем мудрость нам».

Все сердечно умилились,
Шамми важно мямля усы.
Утром встали удивились:
Нет ни Гарри, ни лисы...

Так погиб задорный Гарри.
Клялся мстить лисе козел.
Горько плакал добрый Карри.
Был печален и осел.

VIII

Вновь пошли, лишь солнце встало
И умокли кулики.
Много шли они иль мало —
Очутились у реки.

Чудной свежестью дышала
Многоводная река
И спокойно совершала
Свой пробег издалека.

Смотрят вглубь воды зеркальной
Кудреватые леса.
И при зыби при хрустальной
В ней трепещут небеса.

Реют воды неустанно,
И торжественно в тиши.
Шелестят лишь беспрестанно
И пугливо камыши...

Долго путники молчали,
Видя сказочную явь.
И совсем не замечали,
Что идти придется вплавь.

Сел верхом на Карри Шамми,
Васю взял с собой осел.
Следом шли меж камышами
Пес бесстрашный и козел.

Было им уже глубоко,
Ноги путал вязкий ил...
В это время издалека
Плыл большой там крокодил.

Проплыл он вполне спокойно
Мимо длинного осли,
Но схватил за ногу больно
Отстававшего козла.

Помощь звал козел бессильный,
Звал мгновенье лишь одно:
Крокодил был очень сильный,
Утащил его на дно.

Остальные очень скоро
Вышли на берег другой.
Сели вместе и без спора
Рассуждали меж собой.

Был взволнован очень Шамми,
Что погиб их друг козел.
Хлопал длинными ушами
Перепуганный осел.

Карри грустно был настроен
Неудачами в пути,
Вася был совсем настроен,
И молчал один Тутти.

IX

После горестных сомнений
Взяли к югу путь они.
Пройден лес больших волнений,
Впереди поля видны...

Скачет заяц меж кустами,
Пучеглазый, во весь дух.
И поводит он усами,
Весь внимание и слух.

«Слушай, заяц, слушай, белый, —
Крикнул Шамми ему вдруг, —
Есть большое к тебе дело,
Будь любезен, будь нам друг...»

«Что вы, что вы!.. Убегаю», —
Заяц быстро перебил, —
А, иначе, погибаю,
Жизнь, иначе, зазубил!

Слышишь ты рожок тревожный
И визгливый лай собак?
Где от них приют надежный?
Не найду его никак.

То охотники толпою
Натаптывают на меня
Стаю псов ведут с собою
И гоняют уж полдня...

Что вы? Что вы? Разве можно!
Как же дети и семья?
Миг терять мне невозможно
Убегаю тотчас я».

И помчался заяц полем
За убежищем своим...
Стая гончих с громким воем
Приближалась быстро к ним.

Видны были им уж ясно
И охотники вдаль,
Стало страшно и опасно...
В бег пустились, как могли.

Все бежали, но не ровно:
Васе, Шамми и Тутти,
Что бежали так проворно,
Удалось совсем уйти.

Хуже было с Карри тихим,
Хуже было и с ослом:
Оцепили с лаем диким
Их собаки все кругом.

Скоро к месту подоспели
И охотники потом.
Оседлавши, на них сели,
Погоня их хлыстом.

Х

Шли теперь уж только трое:
Шамми, Вася, и Тутти.
Горе мучило их злое
И не знали, как идти.

Нет и нет страны желанной...
Но душа надежд полна:
Там за далью за туманной
Начинается она.

Шли долиной одинокой,
Где душистые цветы.
Солнце плавало высоко,
Не шелохнуты листья.

Полон воздух негой знойной
И далек их трудный путь.
На лужайке на привольной
Так приятно отдохнуть.

Место выбрали без спора.
И от долгого пути
Задремали очень скоро
Вася рыжий и Тутти.

Не забылся сном лишь Шамми,
Погрузился он в мечты...
Вдруг почувствовал ушами:
Разговор вели цветы.

В этом тихом разговоре
Были жалобы и смех,
И задор большой при споре:
Кто наряднее из всех.

Первый начал одуванчик,
Гордый яркостью своей.
Торопился он, как мальчик,
Слово вымолвить скорей:

«Очень раннюю порою,
Когда спите вы, друзья,
Вверх с трудом, от вас не скрою,
Поднимаюсь смело я.

После быстро покрываюсь
Яркой желтой бахромой,
Жизнью полной наслаждаюсь
Весел вечный праздник мой.

Все луга я украшаю
Золотистой резьбой.
Никому я не мешаю
И доволен сам собой».

«Не совсем все это верно, —
Люттик ясно отвечал, —
Ты гордишься непомерно
И о многом умолчал.

Ты скажи, как отцветашь
И становишься седым,
Как при ветре облетаешь,
Расползаешься, как дым.

Пусть луга ты украшаешь
Золотистой резьбой.
Но при этом забываешь
Золотистый отблеск мой».

Кончил слово Люттик громко,
Одуванчик покраснел.
И сейчас же очень звонко
Колокольчик зазвенел:

«Милы мне луга любые,
Ширь далекая степей.
Неба краски голубые
На одежде на моей.

Я люблю всегда качаться,
Беззаботно песни петь,
Вечно солнцем любоваться,
День и ночь средь вас звенеть...»

«Ты звенишь порою мило,
Но мешаешь часто спать, —
Проворчал лопух уныло, —
Нужно время песням знать».

«Нет, не правда, не согласна, —
Возразила резеда, —
Ты ворчишь, лопух, напрасно,
Недоволен ты всегда».

Колокольчик очень славный:
Он красив, как мотылек,
И веселый, и забавный,
Так же мил, как василек».

«Слышать это очень лестно, —
В спор вмешался василек, —
Но мне, право, не известно,
Чем вниманье я привлек.

Здесь у вас я гость случайный
И пришел сюда с полей.
Слышу спор необычайный,
Редкий в памяти моей.

Я простой цветок и синий,
Друг овса и ячменя,
Вырастаю вместе с ними,
Их не встретишь без меня.

Должен честно вам признаться,
Что меня уж сколько лет
Вечно манит любоваться
Незабудки нежный цвет.

Милы мне ее цветочки
И лазурь, и бирюза,
И зеленые листочки,
И стыдливые глаза».

Быстро, быстро тут смутилась
Незабудка на глазах,
И листочками закрылась
И сказала вся в слезах:

«Это все совсем не верно,
Не достойна я того,
Я взволнована безмерно
И не вижу ничего.

Есть цветы совсем другие
Несказанной красоты,
Ароматы дорогие
Льют их нежные листы.

Знаю ландыш серебристый,
Вид фиалки неземной,
Взгляд их светлый и лучистый,
Что всех радует весной»...

Ландыш блеклый, дряхлый, низкий
И фиалка без листов
Были тут же очень близко
И стояли средь цветов.

«Были юны мы и смелы, —
Ландыш с горестью сказал, —
Были мы в одежде белой,
Шумно нас встречал весь зал.

Но проходит быстро время
И уносит все с собой.
Давит старость, точно бремя,
Краток век наш золотой».

«Вспомним мы о нем, подружки,
Благодарные всему!» —
И фиалка, как старушка,
Улыбнулась ему...

И цветы поникли грустно,
Тихо было все кругом.
Шамми стало так же грустно,
Все казалось ему сном.

XI

Утка серая летела
В безмятежной синеве,
Опустилась и присела
На зеленой на траве.

И просил тут Шамми утку,
Подойдя поближе к ней:
«Не прими ты слов за шутку:
Шутки нет в речи моей.

Ищем путь мы в край чудесный,
Где фонтан бьет голубой,
Не темнеет свод небесный,
Пьют все кубок золотой.

Неустанно ты летаешь
Высоко и далеко,
Много видишь, много знаешь;
Нам помочь тебе легко.

Утка серая, скажи же,
Ждем мы мудрый твой совет:
Где в Айнажды путь поближе?
Как идти нам? Дай ответ».

И задумалась глубоко
Утка серая тогда:
Ей случилось быть далеко,
Но в Айнажды никогда.

Долго утка промолчала
И потом сказала так:
«Путь такой не примечала,
И не вспомню я никак.

Но помочь готова горю
Я своим советом вам:
Вы идите прямо к морю,
К его горным берегам.

Там найдете лес дремучий;
Вторит шум его волне;
В том лесу есть дуб могучий
На высоком на холме.

Есть ограда возле дуба,
Вся из камня, без дверей.
Там живет старуха Нуба,
Нет людей, ее умней.

Старой Нубе все известно,
Все доступно ей узнать.
И она вам путь неизвестный,
Верно, сможет указать.

Но не просто и опасно
За ограду ту попасть.
Не хочу скрывать напрасно:
Ждет вас горе и напасть».

И, поднявшись с места шумно,
Утка скрылась в высоте...
Верен Шамми, как безумный,
Увлекающей мечте.

XII

Был совсем другого мнения
Рыжий, добрый Вася кот:
Небывалые сомнения
Жили в нем, наоборот.

И поэтому не малый
Спор возник среди друзей.
Длился он весь вечер алый
На лугу среди полей.

«Как же можно верить утке,
Птице глупой и пустой?
Мне подумать только жутко!
Речь ее — обман простой.

И в неведомые дали
Нам идти совсем не след:
Уж довольно повидали
Мы и горестей, и бед.

В жизни этой беспокойной
Толку нет. Чего ясней?
Нет, домой идти спокойно
И разумней, и верней.

Ищем мы и все напрасно
Жизнь иную без конца.
Жить же можно и прекрасно
Там, у Варты у крыльца».

Шамми очень был взволнован,
Когда Васе отвечал:
«Вот чем Вася очарован,
Вот о чем он заскучал!

Но у Варты огорченья,
И унынья, и печаль,
И обиды, и мученья...
Жизни прежней мне не жаль

Пусть цель нашего стремленья
Где-то очень далеко:
Тот достоин преклоненья,
Кто ей верит глубоко.

Смысла нет — жить без движенья,
Без волнений, без мечты!
Пусть грохочет гром сраженья!
Трусы пусть бегут в кусты!»

«Нет, друзья, назад ни шагу! —
Шамми громко продолжал. —
Сдвоим смелость и отвагу!
Жалок тот, кто задрожал!

Утка правду нам сказала,
Мудрый был ее совет:
Путь ближайший указала,
Нам пути иного нет!»

«Дело, кажется мне, ясно, —
В спор вмешался и Тутти, —
Как бы ни было опасно,
Нужно к морю нам идти».

Вася спорил безуспешно...
Уступил, махнув клюкой.
И опять пошли поспешно
В путь далекий, трудный свой...

XIII

Много шли они иль мало —
Вот и море, наконец.
Ночь... Покой... Оно дремало...
В облаках луны венец.

Моря ширь ковром клубится
И туманна, и темна.
Лишь дорога серебрится,
Что сковала в нем луна.

Море дремлет, мерно дышит.
Тайной жизнь его полна.
И песок морской колышет
Незаметная волна.

Теплый воздух... Берег, скалы
В бархатистой тонут мгле.
Плачут изредка шакалы.
Тени бродят по земле.

В грустных думах кипарисы.
Аромат пьяней вина.
Льют жасмины, барбарисы...
И блестит, блестит луна...

И у моря в упоеньи
Вася, Шамми и Тутти
Позабыли утомленье
После трудного пути.

**В неге ночи теплой, томной
Новых сил душа полна:
Там за далью моря темной
Ждет их дивная страна.**